

В. Г. СИРОТКИН

Наполеон и Александр I

<Фрагмент>

ГЛАВА III

Но тогдашние и нынешние критики Тильзита забывали самое главное: все эти уступки России по существу были лишь дипломатическим оформлением того, что фактически Франция завоевала оружием: французские армии уже оккупировали всю Германию и заняли Далмацию, отрезав Ионические острова от материка. Отказ признать эти свершившиеся факты был бы чреват для России новой войной, практически без союзников: Пруссия и Австрия были разбиты, Швеция занимала колеблющуюся позицию, Турция объявила России войну. Оставалась Англия, мало чем способная помочь России при военных действиях на суше.

Для наполеоновской дипломатии значение Тильзитских соглашений состояло не в признании Россией французского господства в Западной Европе — это было уже свершившимся фактом. Главное заключалось в том, чтобы на базе Тильзита заставить Россию воевать в союзе с Францией против Англии. Ради этого Наполеон пошел на частичное сохранение Пруссии, отказался от претензий на территорию России и даже передал ей Белостокскую область. Однако убедить Россию принять на себя четкие обязательства по борьбе с Англией Наполеон не сумел. Правда, судя по тексту Тильзитских соглашений, Александру I не удалось отклонить или перенести на будущее обсуждение вопроса об участии России в борьбе против Англии на стороне Франции. Статья 1-я союзного договора обязывала Россию «действовать сообща как на суше, так и на море» против всякой европейской державы, которая будет находиться в войне с Францией. Более того, Россия брала на себя очень тяжелое обязательство присоединиться к континентальной блокаде, что неминуемо влекло полный разрыв англо-русских торговых и экономических отношений.

В этом состояла главная уступка царя Наполеону, и, если бы Россия действительно стала совместно с Францией бороться против Англии,

Наполеон мог бы праздновать победу. Но этого не случилось. Всячески декларируя на словах свою верность союзу с Наполеоном, царь и не думал следовать в кильватере политики Франции.

Нагляднее всего об этом свидетельствует его секретное письмо матери накануне второй встречи с Наполеоном в сентябре 1808 г. в Эрфурте.

Мария Федоровна, разумеется, была в числе яростных противников союза с Францией. Уже после заключения Тильзитских соглашений она пыталась убедить сына отказаться от них, объявив Франции новую войну. Александр I не только не послушался матери, но через год снова отправился на встречу с Наполеоном. И тогда Мария Федоровна написала сыну резкое письмо, в котором говорилось: Тильзит не принес мира Европе. Более того, Наполеон откровенно и сознательно обманул царя: Россия принуждена была объявить войну Англии, затем Швеции, ничего не получила на Балканах. В Эрфурте Наполеон потребует новых жертв. Тильзит и так принес стране всеобщее недовольство, упадок торговли, расстройство финансов. Царем недовольны все слои общества. А он хочет укрепить союз с Наполеоном. Мария Федоровна пыталась ударить по самолюбию сына: Тильзит и так повредил его репутации, Эрфурт же «кладет на нее неизгладимое пятно, за которое когда-нибудь даже грядущие поколения будут упрекать вас, каково бы ни было ваше дальнейшее царствование». Мать взывала к совести сына, грозила, что от него «отвернется» русский народ. Его и так считают орудием Наполеона. Слепленный лестью императора Франции, Александр не видит, что идет к пропасти. «Во всем мире, — восклицала Мария Федоровна, — лишь вы один можете верить, что подобным путем (союзом с Францией. — В.С.) предотвратите бедствия и возродите благополучие и мир... Вы ошибаетесь и даже преступным образом...» *

Письмо матери сыну, в котором она обвиняет его в «предательстве»! Это было серьезно. И Александр I ответил не менее откровенным письмом, где поставил все точки над i.

В условиях военного преимущества Франции, писал царь, интересы России требуют «хороших отношений» с «этим страшным колоссом, с этим врагом». «Какими другими средствами могла располагать Россия для того, чтобы сохранить свой союз с Францией, как не готовностью примкнуть *на время* к ее интересам и тем доказать ей, что она может относиться без недоверия к ее намерениям и планам». Союз с Наполеоном — лишь изменение способов борьбы против него. Он нужен России для того, чтобы «иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы... *А для этого мы должны работать в глубочай-*

* «РС», 1899, кн. 4, стр. 4–7. Мария Федоровна — Александру I, сентябрь 1808 г.

шей тайне и не кричать о наших вооружениях и приготовлениях публично, не высказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие».

Вместе с тем такая тактика не означает, что Россия в ближайшее время снова начнет войну против Франции и вернется к пагубным «химерам» 1805–1807 гг. Они стоили России слишком дорого. Сейчас она должна укрепить связи со своими бывшими союзниками, прежде всего с Австрией.

Лучшая тактика — тактика выжидания. Пусть в империи Наполеона растут внутренние трудности; Россия тем временем будет вооружаться. В заключение письма Александр I писал: *«Если провидение предрешило падение этой колоссальной империи, я сомневаюсь, чтобы оно могло произойти внезапно но если бы даже оно было и так, то более благоразумно выждать, чтобы она рухнула, а затем уже принять свое решение»**.

И все это писалось год спустя после Тильзита, когда, казалось, союз двух императоров был в зените и ничто как будто бы не омрачало их «трогательного» альянса.

Вряд ли Александр I додумался до этого в одиночку. Но он был достаточно гибок, чтобы прибегнуть к услугам более дальновидных деятелей, фактически и ставших творцами тильзитской политики России. Многие из того, что писал царь своей матери, прямо или косвенно совпадало с мыслями Куракина, Румянцева и Сперанского. И не случайно все трое заняли крупные государственные и дипломатические посты после Тильзита: Румянцев стал министром иностранных дел (канцлером), Сперанский — председателем Государственного совета, а Куракин — послом в Париже, что, впрочем, не помешало Александру I при новом изменении международной обстановки и угрозе войны 1812 г. начисто откеститься и от этих советников (подобно тому как в 1806–1807 гг. от «молодых друзей»), а Сперанского в марте 1812 г. даже отправить в ссылку.

О взглядах Куракина и Румянцева уже говорилось. Очень близкую к ним позицию занимал М. М. Сперанский. В начале своей головокружительной карьеры Сперанский, этот крупный дворянский реформатор, был личным секретарем Куракина, который заметил толкового молодого человека и рекомендовал его министру внутренних дел Кочубею. В министерстве Кочубея Сперанский проработал с 1802 по 1806 г. По роду службы Сперанскому приходилось встречаться с Александром I. Царь обратил внимание на способного чиновника. Поскольку Сперанский имел репутацию сторонника франко-русского примирения и не раз одобрял буржуазные реформы во Франции (в частности, кодекс Наполеона, который он лично перевел на русский

* «РС», 1899, кн. 4, стр. 18–23 (курсив наш. — В.С.).

язык), после Тильзита Александр I приблизил его к себе, сделав начальником своей личной канцелярии*.

Свои мысли о союзе с Францией Сперанский изложил в очень интересной и малоизвестной записке «О вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира». Хотя она и написана незадолго до войны с Францией (декабрь 1811 г.), Сперанский изложил здесь свои взгляды на русско-французские отношения, которых он придерживался в 1806–1807 гг. Сперанский писал: «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно». Поэтому «Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный».

Сперанский хорошо понимал неизбежность нового, решающего столкновения России и Франции: «Тильзитский мир по существу своему есть мир невозможный не потому, чтоб Россия не могла выдержать торговых его последствий, но потому, что она не может никогда представить Франции достаточного ручательства в точном его сохранении. Следовательно, удаляя войну, должно, однако же, непрестанно к ней готовиться. Должно готовиться не умножением войск, которое всегда опасно, но расширением арсеналов, запасов, денег, крепостей и воинских образований»**.

Несомненно, что все эти соображения в той или иной мере высказывались во время тильзитских переговоров. В частности, Куракин писал Марии Федоровне после окончания редактирования совместно с Талейраном статей союзного договора: «Не умею выразить, как я чувствую себя счастливым, сообщая вам следующее известие: опыт и события последних лет возвратили государя к той системе и принципам,

* М. Корф. Жизнь графа М. М. Сперанского. СПб., 1861, стр. 37, 105–106; В. И. Семевский. Падение Сперанского. — «Отечественная война и русское общество», т. II. М., 1911, стр. 221–246.

** «РС», 1900, № 1, стр. 57–65 (курсив наш. — В.С.). Ни в одно из изданий бумаг Сперанского эта записка не вошла. Краткое упоминание (аннотация) о ней содержится в шестом томе «Внешней политики России XIX — начала XX в.» (ВПР, т. VI. М., 1962, стр. 256). В советской исторической литературе на эту записку впервые обратил внимание Н. И. Казаков в интересной статье «Внешняя политика России перед войной 1812 г.» («1812 год. К 150-летию Отечественной войны». М., 1962, стр. 26–27). Вместе с тем нельзя согласиться с Казаковым в оценке внешнеполитических взглядов Сперанского, который якобы «осуждал принимаемые правительством меры по поддержанию обороноспособности страны». Сперанский был «франкофилом», но не настолько, чтобы капитулировать перед Наполеоном, тем более что это и не вытекает из весьма произвольно трактуемого Казаковым текста записки. Вряд ли Сперанский, будь он безоговорочным поклонником французского императора, выступил бы автором тарифа 1810 г., явно направленного против Франции (см. пятую главу настоящей работы, стр. 278–280).

которые я по своему убеждению признаю за наиболее сообразные с его интересами...» *

Куракин не только подтвердил свои взгляды на метод разрешения франко-русских разногласий, которые он высказывал задолго до Тильзита. Судя по редакции статей Тильзитских соглашений, он попытался осуществить их на практике, начав новый, дипломатический этап борьбы против Франции уже в июне — июле 1807 г.

До сих пор речь шла о тех зафиксированных в мирном и союзном соглашениях дипломатических победах Франции, которые юридически закрепили уже достигнутые ею военные победы над III и IV коалициями. Но во франко-русских соглашениях имелся и второй, скрытый подтекст. Он касался обязательств обеих союзниц на будущее. Эти статьи были составлены так, что давали каждой из сторон широкую возможность толкования своих обязательств.

Так, обязательства Франции о посредничестве в русско-турецких отношениях были составлены таким образом, что предоставляли Наполеону неограниченную возможность саботировать любое выгодное России решение восточного вопроса, что, между прочим, и было великолепно использовано наполеоновской дипломатией позднее, в 1808 г. Но у Франции обязательств было мало. Гораздо больше их было у России. И вот здесь-то Куракин и приложил свою руку.

Важнейшим обязательством России было участие в войне против Англии. Статья 1-я союзного договора обязывала Россию действовать сообща против любой другой страны, воюющей с Францией, но зато статья 2-я предусматривала заключение в каждом таком конкретном случае специальной франко-русской конвенции, где будут определены «те силы, которые каждая из них должна употребить против общего врага, и те пункты, где эти силы должны действовать».

Насколько известно, за время действия франко-русского союзного соглашения в 1807–1812 гг. ни Россия, ни Франция так и не определили ни силы, ни пункты действия, не заключили какой-либо военной конвенции ни против Англии, ни против ее союзников. Таким образом, вопрос о военном взаимодействии Франции и России против Англии был решен весьма неопределенно.

Даже тяжелое обязательство примкнуть к континентальной блокаде сопровождалось оговоркой, что оно будет выполнено Россией только после 1 декабря 1807 г. (в случае отказа Англии заключить с Францией мир). Это давало Александру I известное время подготовить общественное мнение России к изменению внешнеполитической и внешнеторговой ориентации страны.

* «РА», 1868, № 2, стр. 205. Куракин — Марии Федоровне, 18 (30) июня 1807 г.

Но гораздо важнее была не эта оговорка, а то, что в договоре ни слова не было сказано о порядке осуществления *нейтральной торговли*. Сколько в 1810–1812 гг. ни пыталась французская дипломатия добиться от России принятия постановлений, запрещающих нейтральную торговлю, она ничего не могла сделать — царское правительство постоянно ссылалось на Тильзитские соглашения, где ничего не говорилось о нейтральной торговле. Между тем нейтральная торговля, хотя и не компенсировала целиком ухода англичан с русского рынка, все же значительно облегчала участие России в континентальной блокаде. Позднее разногласия Франции и России из-за толкования понятия «нейтральная торговля» привели к резкому обострению франко-русских отношений и явились одной из основных причин войны 1812 г.

Практически, согласно союзному договору с Францией, Россия обязывалась: 1) разорвать с Англией дипломатические отношения; 2) формально объявить ей войну; 3) прекратить прямую англо-русскую торговлю. Все остальное (разработка военных планов по взаимодействию России и Франции, меры усиления континентальной блокады и т. п.) зависело уже от будущего франко-русских отношений.

Сознавал ли Наполеон шаткость той основы, на которой он собирался принудить Россию участвовать в континентальной блокаде? Думается, что в определенной степени сознавал, хотя военная победа над Россией (Фридрихсбург) породила у него недооценку способности царя к сопротивлению.

Но то, что мог не заметить Наполеон, обязан был видеть его министр иностранных дел Талейран. Уж он-то наверняка видел те лазейки в Тильзитских соглашениях, которые со временем могли быть использованы Россией, видел, ибо вместе с Куракиным редактировал проекты мира и союза. Видел и... не исправил. Почему?

Е. В. Тарле писал по этому поводу: «Талейрана в самом деле напугал Тильзит именно тем, что полная победа над всей Западной Европой и одновременное принуждение императора Александра I к союзу делали Наполеона хозяином поработанного Европейского континента, что по существу не могло не быть причиной новых отчаянных и кровопролитнейших войн; и действительно, министр Талейран уже искал себе нужного положения в том далеком будущем, когда выгоднее будет быть не с Наполеоном, а против Наполеона»*.

Очевидно, уже в Тильзите он искал какие-то окольные пути к царю, смотря сквозь пальцы на те прорехи в текстах Тильзитских соглашений, которые так усердно оставлял Куракин на будущее.

* Е. В. Тарле. Талейран. М., 1962, стр. 82.